

МЫ ТРЕБУЕМЪ ПОНИМАНІЯ.

(Открытое письмо къ русской эмиграции).

Вы не должны судить и осуждать насъ. Вы должны насъ понять. Вы должны признать важность совершаемаго нами дѣла; не мѣшать намъ и молиться за насъ.

Трагедія, переживаемая нами, невидана въ исторіи; и кто въ правѣ судить насъ, не выстрадавъ наши душевныя и тѣлесныя муки? Изъ дня въ день, изъ года въ годъ, вдругъ утративъ все: очагъ, покой, безопасность, личную жизнь; голодая и нищенствуя; видя вокругъ низость и свирѣпость; понимая порочность и бессмысленность творимаго; тая про себя любовь и ненависть; все время теряя изнемогшихъ близкихъ; истомивъ свое сердце укорами и страстно любя нашу Россію, — нести ярмо униженій и сыска, блюсти въ себѣ огонь вѣрности и думать... что вы насъ считаете приспособившимися предателями...

Знаете ли вы, что значить не брать совѣтскаго мѣста и ежедневно по нѣсколько разъ перевязывать своимъ дѣвочкамъ туберкулезныя раны? Знаете ли вы, что значить годами носить своему мужу передачу въ тюрьму и на третій годъ узнать, что онъ разстрѣлянъ? Знаете ли вы, что дѣлается въ душѣ профессора, жена котораго стала базарною торговкою для того, чтобы онъ не унижался на кафедрѣ? Знаете ли вы, какъ умерла гениальная Садовская — вся во вшахъ, въ заледенѣлой комнатѣ, освѣщенная лучиною въ рукахъ опоздаващаго доктора? Знаете ли вы о безчисленныхъ заговорщичкахъ — безвѣстно погибшихъ въ застѣнкѣ только вслѣдствіе своей заговорщической неумѣлости? Знаете ли вы этотъ кошмаръ: жить въ одной комнатѣ со вселѣнными коммунистами? Можете ли вы измѣрить всѣ наши неисчислимыя и неопишутыя муки?

Такъ не судите и не осуждайте насъ. А поймите, что мы должны были здѣсь остаться и вынести все до конца.

Вы уѣхали и эмигрировали; мы понимаемъ тѣхъ изъ васъ, кто уѣхалъ для борьбы; но мы не осуждаемъ и тѣхъ, кто эмигрировалъ отъ робости или изъ инстинкта самосохраненія, — ибо нельзя всѣмъ быть героями.

Но мы остались. Почему? Зачѣмъ?

Начнемъ съ того, что русскій простой народъ, крестьяне и рабочіе, были съ самаго начала обречены на то, чтобы при всѣхъ условіяхъ изжить свою революціонную болѣзнь на мѣстѣ. Рады они были революціи, или не рады, дѣлали ее сами, или только страдали отъ нея, — они не могли эмигрировать въ силу естественныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ законовъ. Осѣдлый народъ не покидаетъ своего мѣста; имъ владѣтъ духовная инерція и спасительный инстинктъ. Мы не номады.

Но если такъ, то правильно ли было бы, цѣлесообразно ли было бы для нашего національнаго дѣла, чтобы мы, русская интеллигенція, духовно созрѣвшая для осмысленнаго политическаго эмигрированія, чтобы мы всѣ до одного оставили нашу страну и нашъ болѣющий революціей простой народъ, всю нашу вещественную и духовную культуру, и выѣхали за границу? Нашъ простой народъ, какъ дитя доврчивъ, какъ дитя поддается дурнымъ вліяніямъ, какъ дитя буянить. Не мы ли виноваты въ томъ, что эти дурныя вліянія проникли къ нему и что онъ пошелъ за коммунистами? И теперь, когда это совершилось, мы должны были оставить его наединѣ съ ними? Нѣтъ. Одни изъ насъ должны были уйти; а другіе — остаться. Мы должны были остаться на мѣстѣ; принять и бунтъ, и напоръ, и ограбленіе; принять травлю отъ большевиковъ, голодъ, тюрьмы и униженіе; все это видѣть, пережить на себѣ и выстрадать — для того, чтобы, идя на растерзаніе и на разстрѣлъ, отстаивать Россію изнутри; чтобы во всѣхъ гоненіяхъ и униженіяхъ соблюсти нашу Православную Церковь, соблюсти въ себѣ и въ народѣ вѣру въ Россію, сохранить остатки національнаго чувства, сохранить общеніе съ нашимъ простымъ народомъ, который долженъ же былъ однажды отрезвиться и услышать нашъ зовущій (хотя бы шепотомъ) голосъ . . .

Мы должны были соблюсти наше мѣсто тамъ — для Россіи, даже цѣною отвратительныхъ политическихъ и духовныхъ компромиссовъ, нравственно насилуя себя, вступая на совѣтскую службу, общаясь съ этими людьми и исполняя ихъ противоестественные декреты. Не думайте, что мы не понимаемъ нравственную и политическую природу этого образа дѣйствій. Нѣтъ, мы додумали здѣсь все до конца. Но мы хотѣли бы, что вы-то поняли его національную необходимость и его политическую непредосудительность!

Покинуло ли православное духовенство Россію, когда ею завладѣли иновѣрные и свирѣпые татары? Эмигрировало ли оно въ наши дни, въ дни торжества воинствующихъ безбожниковъ и растлителей, или въ большинствѣ своемъ осталось на своемъ посту? Правъ ли духовникъ, покидающій пасомага грѣшника? Легко ли было митрополиту Алексѣю ѣздить въ ханскую ставку? Не скончался ли въ наши дни Святѣишій Патріархъ, нравственно замученный чекистами? Чему же учать насъ священныя традиціи Православія?

Они учать насъ тому, что въ часъ бѣды, соблазна и порабощенія воспитатель не долженъ оставлять своего воспитанника на произволъ судьбы. Ведущему мѣсто тамъ, гдѣ бѣдетъ, бунтуетъ, страдаетъ и гибнетъ ведомый. И намъ ли, простымъ смертнымъ, въ эти ужасные годы оскверненія и посрамленія всей страны, намъ ли, виновнымъ въ допущеніи и попущеніи этой бѣды — мнительно тревожиться о незапятнанности нашихъ политическихъ одеждъ? Вашъ путь, путь эмиграціи, вель васъ къ борьбѣ посредствомъ выдѣленія и ухода. Эту задачу вы выполняете нынѣ за всю русскую интеллигенцію. А мы, оставшіеся, взяли на себя другую задачу: не оставить нашъ простой народъ на произволъ судьбы, выстрадать все вмѣстѣ съ нимъ и беречь Россію изнутри. И эту задачу мы выполняемъ нынѣ тоже за всю русскую интеллигенцію.

Цѣною личной чистоты и жизни, цѣною тягостныхъ, часто едва выносимыхъ политическихъ компромиссовъ, мы блюдемъ Россію изнутри, блюдемъ все, что можно сохранить отъ нея — ея церковь, ея научныя и художественныя сокровища, живой составъ ея народа, ея природныя и техническія богатства, ея бытъ, ея вѣру, ея семью, ея душу. Блюдемъ, какъ умѣемъ; бережемъ, какъ удастся. Поддерживаемъ,

собираемъ, спасаемъ; строимъ, уговариваемъ, лѣчимъ, выпрашиваемъ, доказываемъ, отстаиваемъ, требуемъ; — въ твердой увѣренности, что большевизмъ минуетъ и коммунизмъ исчезнетъ, а Россія устоитъ и расцвѣтетъ на основѣ всего своего соблюденнаго достоянія.

У насъ не было въ этомъ никакого стовора и соглашенія. Мы не состоимъ въ заговорѣ; среди насъ нѣтъ никакой соотвѣтствующей организаціи. Мы просто слѣдовали и слѣдуемъ патріотическому чувству, здоровому инстинкту осѣдлаго и культурнаго народа, когда-то въ мукахъ переболѣвшаго злую татарщину и нынѣ въ мукахъ изболѣвающего революціонный коммунизмъ. При этомъ мы совсѣмъ не выдаемъ себя за коммунистовъ: и мы сами совсѣмъ не настолько изогались, да и они не повѣрили бы намъ. Но сила вещей заставила насъ занять «лояльную» и «нейтральную» позицію — и такъ служить Россіи, ея живому интересу, ея вѣчному дѣлу, даже и въ тотъ періодъ ея исторіи, который накрылъ ее сумасшедшимъ колпакомъ коммунизма.

Не говорите намъ, что мы тѣмъ самымъ «служимъ коммунизму». Но, если можете, то скажите, возможно ли служить здѣсь Россіи, не состоя на службѣ у коммунистовъ? Вѣрьте намъ: коммунизма спасти нельзя. Коммунизмъ, какъ система, безнадеженъ: онъ таитъ въ себѣ такія внутреннія ошибки и такіе пороки, которые его все равно погубятъ. Онъ падетъ. И падетъ не отъ нашихъ неумѣльныхъ заговоровъ, и не отъ «эволюціи» коммунистовъ, а отъ той внутренней соціальной катастрофы, которую онъ самъ вызоветъ, своимъ собственнымъ естествомъ, и которая быть можетъ осложнится и какимъ-нибудь военнымъ столкновеніемъ. Этотъ сумасшедшій экспериментъ не надо было допускать; его можно было прервать; и, если это возможно, то пусть онъ будетъ прерванъ и нынѣ. Но возможно, что онъ будетъ доведенъ до конца, т. е. до самопогубленія; и мы должны выстрадать и это; выстрадать вмѣстѣ съ нашимъ, нынѣ уже выздоравливающимъ отъ революціи, полуторастамилліоннымъ народомъ. И вся наша «лояльная» «служба коммунизму» состоитъ развѣ лишь въ томъ, что мы предоставляемъ ему развертывать его противоестественность и обреченность.

Не указывайте намъ на то, что это «все-таки компромиссъ». Мы знаемъ это и сами. Но трагедія наша въ томъ-то и со-

стоитъ, что здѣсь пѣтъ исхода, свободнаго отъ компромисса. Работать для Россіи въ Россіи—можно теперь только изъ-подъ коммунистическаго ярма. Лѣчить, учить, судить, хозяйствовать, кормить, строить армію нельзя помимо этого ярма. Мы понимаемъ это; мы испытываемъ и знаемъ это лучше, чѣмъ вы. Но мы знаемъ и чувствуемъ еще одно: на насъ лежитъ этотъ долгъ и мы выполнимъ его до конца. Это нашъ долгъ передъ грядущими русскими поколѣніями: и за исполненіе этого долга мы расплачиваемся цѣною здоровья и жизни, цѣною лойяльности по отношенію къ нашимъ порабителѣямъ и цѣною такихъ моральныхъ напряженій и жертвъ, о которыхъ остальное человѣчество не имѣетъ никакого представленія.

У васъ задаютъ всегда еще вопросъ, почему мы не начинаемъ возстанія изнутри? зачѣмъ и почему мы терпимъ «все это» безмолвно?

Вспомните: революція всѣхъ насъ застала врасплохъ. Кто изъ насъ прозрѣвалъ ея сущность? Кто предвидѣлъ ея будущій ходъ и развитіе? Кто изъ честныхъ русскихъ патріотовъ умѣлъ составлять заговоры и «конспирировать»? Никто не зналъ, сколь свирѣпы и цѣпки большевики; никто не вѣрилъ, что черный вихрь исторіи будетъ имъ столь попутенъ... Они и сами не ожидали этого.

И тѣмъ не менѣе заговоры и возстанія начались немедленно. Никто изъ васъ и никто изъ насъ не знаетъ ни числа, ни именъ тѣхъ русскихъ патріотовъ, которые погибли въ этихъ заговорахъ. Люди компрометировали себя и шли на смерть десятками тысячъ, — неосторожные, неумѣлые, неподготовленные, проговаривавшіеся за чашкой чая, неумѣвнѣе скрыть свою военную выправку, забывшіе покрытъ мозолями бѣлыя руки. И каждая неудача усиливала шпіонажъ и сыскъ, которые нынѣ прощитали собою всю толщу городской жизни насквозь.

Великая война выдѣлила и уложила на полъ чести первый кадръ активныхъ русскихъ націоналистовъ. Второй—леги въ гражданской войнѣ. Третій—погибъ въ заговорахъ. Какая страна выдержала бы такое выкачиваніе воли, такое опустошеніе? Не удивляйтесь же, что люди съ волею и съ патріотизмомъ нынѣ ушли въ себя и не повторяютъ безплодныхъ попытокъ. Для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое знаніе коммунистическаго сыска, особая выдержка и без-

ошибочный расчетъ. Мы, рядовая интеллигенція и полуинтеллигенція, измученные и утомленные, мы къ активному героизму не способны; не ждите его отъ насъ; намъ бы лишь справиться съ нашей скромной задачей «пассивнаго» и «лѳяляльнаго» огражденія русской Церкви, русской семьи и оставшагося отъ русской культуры...

У васъ принято еще говорить, что мы здѣсь задавлены и унижены. Мы знаемъ это. Но мы знаемъ также и то, что такого гнета и террора міръ не видѣлъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ; и что въ этомъ гнетѣ и въ этомъ террорѣ, почти каждый изъ насъ, русскихъ патріотовъ, — а я говорю именно про насъ, преданныхъ Россіи, — каждый выносилъ въ себѣ нѣкоторую глубину чувства, которая своевременно принесетъ свои плоды. Мы научились скрывать это; мы привыкли молчать. Мало того: мы научились, гдѣ необходимо, произносить слова мертвой лѳяляльности, на которыя вы иногда наивно возмущаетесь... Но ни этотъ гнетъ, ни это униженіе не доходятъ до дна нашихъ душъ; и Богу одному вѣдомо, что каждый изъ насъ думаетъ и о чемъ онъ молится про себя.

Мы утомлены и переутомлены. Этого нельзя скрывать ни отъ себя, ни отъ васъ. Мы слишкомъ много пережили... и потеряли. Никто изъ насъ не увѣренъ, проживетъ ли онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но среди тѣхъ изъ насъ, кто выживетъ, вы найдете такихъ закаленныхъ и крѣпкихъ людей, которые на удивленіе міру будутъ строить вмѣстѣ съ вами новую Россію.

Я пишу это для того, чтобы сказать вамъ всѣмъ, русскимъ эмигрантамъ: вы не должны осуждать насъ, несущихъ ярмо въ Россіи. Мы не разлюбили нашу родину; мы не предали ее; мы вѣрны ей попрежнему. Но форма нашей вѣрности и нашей борьбы иная, чѣмъ у васъ: повидимому, совсѣмъ не свободная и совсѣмъ не активная, по гораздо болѣе тяжкая и мучительная. Мы представляемъ себѣ, что вы дѣлаете за рубежомъ; и знаемъ, что это необходимо. И только иногда сѣтуемъ на легкомысліе вашей печати, неосторожно компрометирующей насъ разными невѣрными сообщеніями; да еще на то, что осуждая насъ, вы не обнаруживаете пониманія нашего дѣла и нашей трагедіи.

Дѣлайте же ваше дѣло и не думайте возвращаться въ Россію преждевременно. Не вѣрьте никакимъ маловѣроятнымъ

«амністіямъ», ни отъ «центра», ни отъ «опозиціи». Ваше заданіе — быть за предѣлами досягаемости и оттуда вести обдуманную борьбу.

Но поймите же и оцѣните нашу незримую и жертвенную работу здѣсь. Этого требуетъ справедливость.

Прибывшій оттуда.
